

Наталья ПУШКАРЕВА
Москва
(Россия)

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ: ВКЛАД ФЕМИНИСТСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В статті досліджується вклад феміністської антропології в розробку методів і методології сучасної етнологічної науки.

Ключові слова: феміністська антропологія, гендерні дослідження, жіноче повсякдення.

Несмотря на все попытки дистанцироваться от постмодернизма, феминистская этнология и антропология испытали его влияние. Об этом говорит требование концептуализации женских практик, опыта, поведения как испытывающих постоянное влияние разных социальных, культурных, конфессиональных и исторических контекстов¹. Контекстуальность – символ постмодерна – властно потребовала от самих феминисток отказаться от попыток приложить особенности женского опыта, характерного для белых представительниц среднего класса западного общества ко всем остальным женским практикам в иных культурах и странах², признать множественность любых социальных моделей – от моделей семейных или родительских ролей до феминизмов (которых также, как известно, не менее десятка)³. Если традиционная ("мужская") наука стремилась непременно найти "среднюю составляющую", наиболее типичное из бытующего, – то феминистская призывает не ограничивать себя такими рамками и стараться выявлять все инвариативное множество. Это предполагает изучение культур разных этносов как исторически обусловленных "способов жизни" – без каких бы то ни было попыток выделить "наиболее типический", "самый характерный" и выстроить иерархии⁴. Исследование "множественной дружности" стало показателем перехода феминистской антропологии с одного уровня на другой: от описания сущности социальных различий между полами – к исследованию практик, конструирующих эти различия в разных культурных средах⁵.

Феминистки-антропологи призывают все так же скрупулезно, как и ранее, документировать женские жизни при анализе быта и повседневности любого этноса, убежденно позиционировать женщин как "ключевых информаторов"⁶.

Означает ли призыв концентрировать исследовательское внимание на женских жизнях, опытах, практиках отвержение исследований мужчин и мужского опыта? Нет. Но женщинам необходимо понять, как мужчины обосновывают свое неприятие самой идеи женской антропологии и изучить это неприятие с точки зрения положения обиженных, обойденных и угнетенных (то есть женщин). Как происходят подмены и искажения (перверсии)? Каким образом господствующей социально-половой группе – мужчинам, мужчинам-ученым в том числе, удастся отвергать "женские темы", какие аргументы ими при этом приводятся? Что стоит за этим желанием, каковы его истоки? Вопросы эти неспроста, поскольку уводят далеко от собственно гендерных и феминистских штудий в область исследований механизмов производства власти (а они всегда неявные, всегда опосредованные) в разных культурах и обществах⁷.

К требованию документирования женских жизней примыкает призыв антропологов-гендерологов специально исследовать все виды социальных практик женских сообществ. Без этого "мужские предубеждения" в науке никогда не будут преодолены, и всегда будет манить соблазнительная перспектива искать не различия, а именно общее (чем и занимается

традиционная – то есть не феминистская – наука) в повседневности мужчин и женщин⁸. В качестве примера можно привести стремление "новых антропологов" восполнять лакуны на "социальной карте" разных этносов путем помещения на эти карты различных групп женщин, не слишком замечаемых как особая социальная категория – но имеющих, однако, и свои жизненные привычки, и своеобразные повседневные ритуалы (скажем, профессиональные) – а именно: проститутки, актрис, членов религиозных сект, содержанок и т.п.⁹. Важно изучить не просто "повседневность как проблему" ("the everyday world as problematic") – нужно постоянно вписывать эту повседневность, этот быт в широкий социально-политический контекст, опыт социальных практик женских сообществ – в общий коллективный, традиционный и новый социальный опыт данного этноса¹⁰.

Детализируя это требование, теоретики феминистской антропологии настаивают на том, что мало описать "женскую повседневность" – нужно еще и уделять особое внимание фиксации женского опыта с точки зрения самих его носительниц, их жизненной перспективы¹¹, сопоставления своей жизненной практики с опытом респонденток (так встает проблема "доверия" своим эмоциям, а не элиминации их)¹² – то есть речь идет о поисках такого способа "сочинения этнографии", который приводил бы к установлению эмоционального контакта между информантами и антропологом с одной, и антропологом и его читателями – с другой стороны¹³.

Таким образом, перед антропологом-феминисткой всегда стоит задача изучения женского опыта на "ближайшем окружении", концентрируясь на узком сообществе родных и себе подобных. Не случайно в американской науке вместе с термином "рефлексивная антропология" (не сводимая к автобиографии – это именно, если так можно сказать, "самоантропология") появился и термин "домашняя антропология" (anthropology at home)¹⁴, подразумевающая антропологическую работу без выезда "в поле", но ориентирующая женщин-исследовательниц на изучение самих себя и себе подобных¹⁵, "превращающая случайные слухи – в научное знание", заставляющая уметь быть одновременно объектом изучения и субъектом, изучающим подобные объекты. Здесь берет свое начало и настойчивый призыв к исследовательницам вырабатывать умение прислушиваться к своим эмоциональным реакциям, признавая исключительную значимость личного опыта при анализе тех или иных форм и практик: ведь личный опыт не может быть гендерно-нейтральным¹⁶. (Не случайно, одним из лозунгов феминизма второй волны были слова: "Личное – это политическое").

Для работы в данном направлении феминистки-антропологи "принимают в свое поле" самые разнообразные теоретические подходы и не видят основания для неперемного выбора между несколькими теориями в пользу одной¹⁷. Напротив, подходы К.Маркса, М.Вебера и Э.Дюркгейма используются наряду с методами интерпретативистов и символистов (К.Гирца и др.), и каждый из таких приемов служит теоретическому обогащению, научному синтезу в феминистском этнологическом исследовании¹⁸. Эклектичность теоретических подходов не обедняет феминистское исследование, не делает его сумбурным, но позволяет понять возможности и перспективы настоящего методологического синтеза. Не удивительно (в свете сказанного), что феминистки во всех социальных науках призывают к одновременному использованию и качественных, и количественных методов, не противопоставлению их, а к сотрудничеству разных специалистов, разных наук.

Так же, как и коллеги-историки (феминистки), этнологи и антропологи феминистской ориентации поставили в качестве задачи исследование аспектов, которые не всегда ставятся (или вовсе не ставятся) учеными-мужчинами, поскольку считаются в андроцентричной науке "ненаучными"¹⁹ или "побочными". Среди них и роль дочерей в семье, и практики женской повседневности в гигиене и лечении женских болезней, и своеобразие женского аутосексуального опыта²⁰ и проч. Частью феминистского проекта в антропологии является пристальное внимание к телу и его роли в культуре вообще и женскому телу в частности²¹, к "вотеленности", "воплощенности" в телесном культурных предписаний разных эпох²². Живейший интерес феминисток к истории лесбийских культурных практик и попытка слома пренебрежительного и насмешливого отношения к такой тематике в работах традиционных исследователей – это, бесспорно, также завоевание "новых антропологов" и результат их успешной деятельности в последние годы²³.

Коротко говоря, феминистская этнография или этнографический проект в гендерных исследованиях предполагает активную вовлеченность исследователя в производство социального знания посредством прямого участия и сопереживания опыту изучаемой социальной реальности. Однако, если охватить взглядом огромное число выходящих за рубежом статей и книг по феминистской (гендерной) этнологии и социальной антропологии, то в них сразу можно выделить ряд тематических пластов. Во-первых, пласт прокламации своей позиции, феминистской агенды. Он мало изменился за последнюю четверть века. Во-вторых, эпистемологический²⁴ пласт, который продолжает формироваться теоретиками феминистской этнологии и антропологии – продолжателями Ш.Ортнер, Дж.Хубер, Г.Рубин и других. В-третьих, это пласт методический – разработка оригинальных и обновленных методов и подходов и их апробация. Наконец, в-четвертых, – это постановка и обсуждение проблем этики научного исследования, которое ведется с феминистских позиций. На последних двух тематических комплексах или "пластах" необходимо остановиться подробнее, поскольку они – наиболее быстро изменяющаяся и постоянно корректируемая область феминистских исследований в области этнологии и антропологии.

Факт того, что в гендерных исследованиях используются многочисленные методы и подходы (как "твердые"/"мужские", то есть количественные, так и "мягкие"/"женские", качественные²⁵), почерпнутые из разных социальных наук, признается сейчас многими специалистами по социологии знания²⁶. Кроме того, не секрет, что в социальной антропологии и этнологии, равно как и в других направлениях гуманитарного знания феминистское (как и гендерное) направления не однородны: в них сосуществуют, по крайней мере, два "субнаправления" – марксистско-феминистское и экспериментально-индукционистское, основанное на этнометодологии и интеракционистских концепциях. Сосуществование этих субнаправлений вполне мирно. Имеются работы, объединяющие оба подхода²⁷. На этом основывается подчас несколько пренебрежительное отношение ряда мужчин-"научковедов" к рекламируемому гендерной теорией "феминистскому синтезу" всех наук; на том же основаны и их упреки в том, что философский феминизм вряд ли сильно продвинул социальную теорию, но лишь генерализовал, "свел воедино" достигнутое до него²⁸. Кто бы ни был прав в данном споре, ясно одно: нет смысла искать особые, специфичные "феминистские методы" исследовательского анализа в этнологии и антропологии, но есть смысл признать важным феминистски обоснованный выбор адекватных предмету анализа методов, предполагающий целый ряд конкретных подходов и приемов. О них-то и разговор.

Прежде всего, феминистское этнологическое исследование исходит из общей посылки о том, что – какие бы методы мы не использовали, любой способ проведения исследования – не более, чем конструкт, а потому имеет свои "смещения"²⁹. Чтобы уменьшить вероятность "смещений" в воссоздаваемой картине явления, социальные антропологи и этнологи обращают внимание на необходимость перепроверок любых гипотез всеми возможными способами, с применением самого разного эмпирического материала, в том числе и путем обнародования результатов своих исследований в открытой печати для того, чтобы умышленно поставить их под огонь критики (если таковая обнаружится)³⁰.

Далее, феминистское социально-антропологическое исследование предполагает сопоставление информации об одном и том же явлении, сообщенной мужскими и женскими информаторами, так как только таким способом можно реконструировать "мужской" и "женский" дискурсы. Только при таком компаративистском подходе возможно ставить вопрос о постоянном, хотя и скрытом, действии механизмов воспроизводства власти (в том числе через невербальные практики) и гендерной асимметрии в обладании ею³¹. Если этнолог станет постоянно озадачиваться идеей сопоставления информации, сообщенной мужчинами и женщинами, – он сможет, наконец, реально "положить конец нейтральному и универсальному концепту 'человека'"³². Только в случае постоянного учета "релевантного полодифференцированного социального контекста"(то есть не только говорить о "мужских" и "женских" мирах, но и в любом событии или явлении видеть участников как представителей разных полов) можно говорить о более или менее адекватной картине, воспроизводимой исследователем в своей работе: недоучет же гендерного фактора сопоставим с попытками говорить об обществе в целом, не учитывая социальную стратификацию или конфессиональную принадлежность³³.

Разумеется, задача сопоставления ответов на одни и те же вопросы анкеты неизмеримо усложняет и удлинняет этап изучения и наблюдения за явлением, который предшествует выдвижению научной гипотезы³⁴. Однако без этой длительности не может быть глубоко и подробно исследован контекст явления, а контекстуальность (о которой уже говорилось выше) – обязательное требование любых новейших этнологических штудий. Но феминисток-этнологов это не смущает и не пугает, и они противопоставляют свою "неторопливость" мужской погоне за сенсациями. Они осознанно заявляют о своем предпочтении эмпирических методов, oral history – теоретическим моделям, под которые собираются необходимые данные. То есть дедуктивный метод считается менее предпочтительным и "мужским", а индуктивный – желательным и "женским"³⁵.

Столь признаваемый феминистскими социоантропологами индуктивный метод – основа для извлечения теории из эмпирических данных, причем теории особого рода – "приземленной" (grounded)³⁶, не отвлеченной, более основанной на практике и реальности. В то же время, традиционная, "мужская" наука столетиями занималась не индукцией, а дедукцией: то есть теоретики вырабатывали некие теории, а затем подтверждали их. В России же вообще этот вид интеллектуальной деятельности был сужен до верификации марксистско-ленинской теории, считавшейся "единственно верной".

Другим признанно-феминистским приемом социальных антропологов является направление внимания частным и отдельным женским сообществам (женщины-предпринимательницы, домохозяйки, студентки), а не "женщинам вообще", выделение не сходств, но именно различий и проблематизация этих различий среди женской части населения³⁷. (Еще раз подчеркнем, что в этом отличие новейшего антропологического проекта от предшествующего: феминистки 1970 – 1980-х гг. изучали различия между полами, нынешние – различия внутри каждого гендерно-гомогенного сообщества³⁸).

С одной стороны, речь идет об изучении женской повседневности – таких ее, например, ее сторон, как "повседневность взросления и превращения из девочек в девушек" (символическими предметами здесь являются женские прокладки, средства по уходу за телом, дезодоранты)³⁹. С другой стороны, это изучение отражения в ответах респонденток их интеллектуальной жизни, внутреннего мира каждой из женщин⁴⁰.

Параллельно рождается новая задача – воссоздания "женских генеалогий" – сети связей подруг и родственниц, иногда подолгу сохраняющейся в поколениях⁴¹.

Как оценивают женщины свое положение "внутри" сообщества? Как можно самому ученому оказаться "внутри" его? Задачи "инсайдинга" (inside – англ. "внутри"), помещения себя внутрь изучаемого явления и его времени⁴² тесно связаны с личным гендерным опытом исследователя. Стремление идентифицировать себя (хотя бы частично) с объектом изучения, позиционирование себя на его место, включение собственных жизненных оценок как ценностного (валидного) и репрезентативного "определителя"⁴³, отказ от "самоустранения" (дистанцирования)⁴⁴ от объекта изучения и хваленой мужской "объективности"⁴⁵ – все это детализация задач "инсайдинга". Разумеется, истоки концепции инсайдинга лежат в "понимающей социологии" Макса Вебера. Именно он в начале XX в. ввел понятие эмпатического понимания (das Verstehen) и предлагал с его помощью анализировать, как люди "творят" те или иные значения событий, явлений, фактов. Став отцом интерпретативной социологии, М.Вебер немало помог современным феминистским антропологам, которые усилили в его теории именно те аспекты, которые были релевантны идее "проникновения"⁴⁶ – в жизнь, в судьбу, в явление. Феминистская этнология настаивает на таком инсайдинге, при котором глубинные интервью должны сочетаться с соучастием в повседневных занятиях изучаемых: например, совместных походах в магазин, визитах в больницу, общественные организации и клубы при постоянном заинтересованном обсуждении жизни и обмене мнениями по этому поводу⁴⁷.

Этнологи и антропологи, согласные с феминистской концепцией, призывают не "возвышаться" над материалом, но вникать в кажущиеся малозначимыми детали, расспрашивать респонденток о самом интимном, добиваться доверия⁴⁸ – подобно исповеднику, видеть и замечать, чтобы стать не умудренным опытом наблюдателем, а "родной душой" для объекта изучения⁴⁹, "контейнером" для его жалоб и переживаний⁵⁰. Между тем, добиться дей-

ствительной, а не показной доверительности между интервьюером и респонденткой бывает весьма трудно. Препятствия могут быть самого разного плана. Например, некоторые замужние женщины-респондентки, узнав о незамужнем статусе женщины-ученой, с трудом преодолевают возникающее отчуждение; женщине-ученой (представительнице образованного, "высшего" класса) трудно бывает установить "понимающие отношения" с женщиной из рабочей среды. Аналогичным образом может играть свою роль этнический фактор или фактор стиля жизни (одежда, прическа, манера говорить и проч.)⁵¹. Феминистская этнология использует в этой связи термин "ложное сознание" – имея в виду тот "налет" знаний и предпонятий (зачастую действительно глубоко осознанных, если не выстраданных!), с которыми женщина-ученый входит в контакт с опрашиваемой и от которого избавляться проблематично (а иногда и не нужно). Пример "ложного сознания" привела Ш.Клейман в статье о переживаниях женщин-интервьюеров, "полевых этнологов", отмечая, как она была разочарована тем, что опрашиваемые ею женщины из среды служащих и не замечали своего подчиненного положения, неравенства, дискриминации в оплате, равнодушно относились к идее борьбы за равноправие. "Позже я поняла, что эти мои установки отражали мое собственное понимание феминизма в то время: что женщины могут и должны бороться за достижения, подобно мужчинам"⁵². Иными словами, "проблема доверия" является двусторонней: не только опрашиваемый должен доверять интервьюеру, но и последний относиться к своим "героиням" без раздражения. Другим полюсом и обратной стороной проблемы доверия является опасность "стать аборигеном" и начать идентифицировать себя с теми, кого изучает исследовательница⁵³. Об этом предупреждают сторонники теории "уважительной дистанции" интервьюера и интервьюируемого – во имя достижения возможного уровня объективности. Однако многие феминистские этнологи не принимают этого упрека и считают, что стремление к объективности – "мужское", а потому требует преодоления. За ним стоит, утверждают они, ощущение власти и властности, будя не лучшие чувства и мешая эмпатии даже между взаимодействующими женщинами, не говоря уже об интеракциях женщин с мужчинами⁵⁴.

Само интервью уже является межличностной работой; помимо этого, исследовательница, интервьюирующая женщину, может и должна выявлять элементы межличностной работы в повседневных практиках респондентки⁵⁵: записывать не только сами практики (например, приготовления пищи или заботы о престарелых родителях), но и объяснения, обоснования респонденток, почему эти практики совершаются так, а не иначе⁵⁶. При таком "вчувствовании" в жизнь респонденток удается преодолеть мужские ценностные критерии и "понять наконец, чем же женщины являются (не для мужчин, а... – Н.П.) для самих себя"⁵⁷.

Чтобы преодолеть насмешливо-пренебрежительное отношение к "необъективному" исследованию, выполненному в феминистском духе, чтобы повысить доверие к себе, феминисту-антропологу необходимо подкреплять исследования количественно – в том числе повторными опросами, которые позволяют выйти на уровень не казуальный, но статистический. При этом, однако, в феминистском этнологическом исследовании женской повседневности числовая информация всегда будет лишь дополнительной к собственно нарративам. Подчеркну здесь, что в традиционном, "мужском" исследовании – наоборот – "женские разговоры" обычно оставляются "за кадром" и определяются как "размывающие" социологически схематичную картину. При параллельных разговорах и опросах, когда на вопросы, поставленные исследователем, отвечают сразу несколько респондентов разного пола – обращают внимание специалисты по феминистским методам в этнологии – мужчины, как правило, "задвигают" женщин, те больше и чаще молчат, что статистически выверено и на примерах телепередач, в которых участвуют представители разных полов и бывают равно представленными в числе участников передачи⁵⁸.

Иными словами, феминистское этно- и социоантропологическое исследование должно быть ориентировано на невысказанное, которое делается тем самым проговариваемым⁵⁹.

Понятно, что вышеописанные задачи резко повышают значимость "гендерных дневников" и "гендерных автобиографий" – рассказов о жизни особого рода, в которых в первую очередь должны быть отображены проблемы становления женщиной (или – мужчиной!). Эта задача этнологов очень созвучна аналогичному направлению в исторических науках и социологии личности, обративших внимание на "казуальную" историю, изучение частных случаев и

направленную, осознанную субъективизацию предмета изучения⁶⁰. Даже задачи исследования собственной жизни или собственного опыта в контексте социальных изменений и смены парадигм предстают при таком подходе как самостоятельная и серьезная исследовательская проблема "женской антропологии" (работы такого рода имеются прежде всего в американской историографии)⁶¹.

Еще более новым методическим приемом, позаимствованным этнологами у социальных психологов, является разработка приемов "экспериментальной этнографии" – когда исследователь моделирует ситуацию, вызывая определенную реакцию (прося рассказать, написать и тем самым пережить вновь сильную эмоциональную вовлеченность) и участвуя в дальнейшем в разрешении этой ситуации (методы, сходные с работой социопсихологов и психоаналитиков)⁶² – то есть, казалось бы, "много на себя берут", выполняя "не свою работу"⁶³. Как и социологи-этнометодологи, антропологи феминистской ориентации придают большое значение визуальным источникам⁶⁴.

Что же касается "включенного наблюдения" (которое вслед за социологами часто называют "нереактивным": оно скрыто от объекта исследования, и он "не реагирует", ведет себя более естественно)⁶⁵ – то его в феминистской этнологии вообще считают самым "своим" из методов. Иногда между "включенным наблюдением" и "феминистским подходом" к этнографической работе даже ставят знак равенства, хотя и оговаривают это⁶⁶. Интерес к анализу невербальных коммуникаций и невербального поведения порожден именно ростом значения визуальной антропологии⁶⁷. Не случайно, те из этнологов-практиков, которые много работали "в поле", обращают внимание на необходимость учитывать и "ложное начало" разговора, и все его длинноты, а также часто присущую женщинам живую мимику⁶⁸, практику "многословного говорения" и отвлечений, ритмику разговора, периоды тишины, акцентуация⁶⁹ – все они "работают" на полноту картины. Этнолингвистам известно, что практически во всех культурах женщины между собой говорят откровеннее в плане проявления своего социального опыта⁷⁰, чем в смешанных группах. Поэтому именно "включенное наблюдение" женщины-интервьюера и ее респондентки может дать наиболее информативный результат.

Однако пристальное и настойчивое "включенное наблюдение" за объектом изучения, "эксперименты" и "моделирование" могут иметь в непродуманных и не просчитанных наперед акциях непредсказуемые отрицательные последствия для тех, кого изучают. Как избежать их?

"Новые антропологи" полагают, что любой из ученых, работающих в русле феминистской парадигмы, обязан быть нацеленным на подъем самооценки объектов изучения (равно как самих исследовательниц), на преодоление традиции виктимизации женщин, женских жизней, женской истории, иметь сам и обосновывать оптимистическую перспективу⁷¹. Само изучение может и должно быть в этом случае обучением "изучаемых объектов" методам анализа их собственных судеб (вплоть до обмена взаимным опытом), формулированию целей и жизненных задач, связанных с устранением их неполноправия, объяснением его сущности и отнюдь не "природной заданности". Важно подчеркнуть при этом, что – как и гендерная социология – феминистская антропология и этнология стараются артикулировать "несоревновательные" модели практического применения знания⁷² – в то время как традиционная наука, скорее, учит умению выигрывать в бесконечной гонке за успехом. Поэтому убежденный феминист-антрополог должен всегда открыто отказываться работать над такими темами, которые (будучи исследованными) могут бы быть использованы против интересов женщин в обществе (например, над производством идеологического, а тем более иного оружия). Иными словами, в феминистской антропологии "научное" и "личное", "личное" и "политическое" – неразделимы, в то время как "мужская наука" к таким заявлениям иногда относится с нескрываемой иронией⁷³. Женщины-ученые ставят вопрос о непротиворечивости научных исследований и собственного ежедневного поведения⁷⁴ с категоричностью, которая не снилась "мужской" науке.

Как должно быть написано феминистское исследование в этнологии и антропологии? Как и другие представительницы гуманитарного знания, приверженцы гендерной концепции в этой области предлагают настойчиво преодолевать сексизм в научной лексике, смелее вводить в оборот новые термины, подходящие именно для феминистского исследования ("herstory", мифография, фаллизм, автогинография вместо "автобиография женщины", "womyn" вместо

"women", гинекогика вместо педагогики для девочек)⁷⁵, переосмысливать старые дефиниции и использовать их в иных смыслах и контекстах ("гин-экология")⁷⁶; разрабатывать гендерно-нейтральный научный язык, вводить его в употребление⁷⁷.

Но, в целом, к вопросу о том, каким должен быть "идеальный тип" (М.Вебер) этнологического и социально-антропологического исследования феминистские теоретики возвращаются снова и снова, и среди них нет единства в его решении. С одной стороны, во имя великой идеи "сестринства" ученые нового поколения, разделяющие идею, должны отказаться от "формально-утвердительно" и "описательного" стилей изложения, строя работу в "формате" разговора с читателем⁷⁸ (чтобы он не чувствовал, что его идеологически обрабатывают). Ряд этнологов настаивает в связи с этим на том, что феминистское антропологическое исследование должно быть "свободно от навязчивой оценочности" – то есть должно предоставлять читателю право самому делать выводы⁷⁹. Их оппонентки из числа радикальных защитниц женских интересов, однако, настаивают, что в таком случае "тихий голос непротивленцев" вряд ли кем-то будет услышан и убеждают в необходимости писать ярко, броско, настойчиво⁸⁰.

Конечно, перед каждым приверженцем феминистского проекта в этнологии неизбежно встает вопрос: как изложить полученный в ходе применения всех вышеописанных методов материал, не заглушив, не исказив "голосов" тех, с кем говорилось? Дилемма репрезентации, осмысления и "подачи" материала остается сложнейшей и, в известном смысле, трудноразрешимой. Однако во всем, что касается итоговых выводов, у этнологов и социальных антропологов, изучающих женщин с позиций гендерной концепции и феминизма, наблюдается удивительное единство. Их неавторитарность и в этом смысле уход от стандартов мужских исследований (в которых всегда важно убедить!), "невысокомерие" – при сохранении критической нацеленности феминистских исследований против традиционной науки и эссенциалистских взглядов – все это считается достижимым идеалом науки "нового типа"⁸¹. Само исследование превращается у сторонниц феминистского проекта в антропологии из "нудной работы", из способа зарабатывать на жизнь – в удовольствие, основанное на радости от возможности помочь, от осознания многочисленности способов этой помощи⁸².

¹ Выполнено по гранту РГНФ 07-01-90100 а/Б. Westkott M. Feminist Criticism of the Social Sciences // Harvard Educational Review. 1979. V. 49 (November). P. 426; Wheatley E. How Can We Engender Ethnography with a Feminist Imagination? A Rejoinder to Judith Stacey // Women's Studies International Forum. – 1994. – № 17 (4). (July – August). – P. 403 – 416.

² Moore H. (ed.) The Future of anthropological knowledge. – N.Y.-L., 1996. – P. 156 – 173.

³ Пушкарева Н.Л. Феминизм. К определению понятия // Женская история. Гендерная история (Теория и исследования. Учебное пособие). – Калуга, 2001.

⁴ Mascia-Lees F., Sharpe P., Ballerino C.C. The post-modernist turn in anthropology: cautions from a feminist perspective // Signs. – 1989. – 15 (1). – P. 7.

⁵ Kelle H. Geschlechterunterschiede oder Geschlechterunterscheidung? // Dausien B., Herrmann M., Oechsle M., Schmerl Ch., Stein-Hilbers M. (eds.) Erkenntnisprojekt: Geschlecht. Feministische Perspektiven verwandeln Wissenschaft. – Opladen, 1999. – S. 311 (304 – 325).

⁶ Gold P. Women in the Field. – Chicago, 1970.

⁷ Hartsock N.C.M. Money, sex and power. Toward a feminist historical materialism. – N.Y., 1985. – P. 232.

⁸ Rapp R. Review of the book written by H.Moor "Feminism and Anthropology" (Cambridge, 1988) // Gender and Society. – 1991. – V. 5 (1). March. – P. 123 – 125.

⁹ Stacey J. Can There Be a Feminist Ethnography? // Diane Wolf (ed.) Feminist Dilemmas in Fieldwork, Introduction and chapters to be selected / Women's Studies International Forum. – 1988. № 11 (1). – P. 271 – 275; Wheatley E. How Can We Engender Ethnography with a Feminist Imagination? A Rejoinder to Judith Stacey // Women's Studies International Forum. – 1994. – V. 17 (4). (July – August). – P. 403 – 416.

¹⁰ Smith D. A Sociology for Women // Sherman J.A., Torton E. (eds.) The Prism of Sex. Essays of sociology of knowledge. – Madison, 1979. – P. 174.

¹¹ Bruner Ed.M. Ethnography as Narrative // Turner V., Bruner E. (eds.) The Anthropology of Experience. Urbana, 1986. – P. 139 – 158.

- ¹² Cyrus H. Historische Akkuratess und soziologische Phantasie. Eine Metodologie feministischer Forschung. – Kцnigstein, 1997. – S. 156 – 157 ("Die Emotionsbalance").
- ¹³ Harding S.. Rethinking standpoint epistemology: What is "strong objectivity"? // Alcoff L., Potter E. (eds.) Feminist Epistemologies. – N.Y., 1993. – P. 49; Ellis C., Bochner A.P. (eds.) Composing Ethnography. Alternative Forms of Qualitative Writing. – N.Y., 1996.
- ¹⁴ Ardener S. The Social Anthropology of Women and Feminist Anthropology // Anthropology Today. 1985. – V.1 (5). – October. – P. 24 – 26.
- ¹⁵ Nerad M. Academic Kitchen: A Social History of Gender Stratification at the University of California. Berkley. – N.Y., 1998.
- ¹⁶ Gordon D.A. Worlds of Consequences: Feminist Ethnography as Social Action // Critique of Anthropology. – 1993. – V. 13 (4) (December). – P. 429 – 443.
- ¹⁷ Mascia-Lees F, Sharpe P, Ballerino C.C. The post-modernist turn in anthropology: cautions from a feminist perspective // Signs. 1989. 15 (1). – P. 7; Thompson L. Feminist Methodology for Family Studies // Journal of Marriage and Family. – 1992. – V. 54. – February. – P. 3 (3 – 18).
- ¹⁸ См., например: Comaroff John, Comaroff Jean. Ethnography and the Historical Imagination. – Boulder, 1992.
- ¹⁹ Ehrenreich B., English D. For Her Own Good: 150 years of the experts advice to women. – Garden City, 1978. – P. 78 – 82.
- ²⁰ Visweswaran K. Fictions of Feminist Ethnography. – Minnesota, 1994.
- ²¹ Passaro J. Cracks in the Feminist Foundations // Current Anthropology. – 1976. – Vol. 37 (5). – P. 881 – 882.
- ²² Moore M. A Passion of Difference. Essays in Anthropology and Gender. – Bloomington, 1994.
- ²³ Kennedy E., Davis M. Oral History and the Study of Sexuality: The Buffalo Lesbian Community, 1940 – 1960 // Feminist Studies. – 1986. – V. 12. – P. 7 – 26.
- ²⁴ Слово "эпистемология" в последнее время употребляется очень часто, когда речь идет о теории познания. Под "эпистемологией" понимается "теория познания, представления о природе знания и том, как мы это знание получили" (Crawford M., Marecek J. Feminist theory, feminist psychology // Psychology of Women Quaterly. – 1989. – V. 13. – P. 479).
- ²⁵ Мьллер U. Gibt es eine "spezielle" Methode in der Frauenforschung // Methoden in der Frauenforschung. – Frankfurt am Main, 1984. – S. 33 (Kap. "Sind weiche Methoden besonders weiblich?").
- ²⁶ Neuman L.W. Social research methods: qualitative and quantitative approaches. 2nd ed. – Boston, 1991; Sprague J., Zimmerman M.K. Quality and Quantity: Reconstructing feminist methodology // American Sociologist. – 1989. – № 20. – P.71 – 86.
- ²⁷ См., например один из образцов: Smith D. The everyday world as problematic. A feminist sociology. – Boston, 1987.
- ²⁸ Mann G. Пlddoyer fцr die historische Erzdhlung und Antwort des Fragwцrdigen // Kochka J., Nipperdej Th. Theorie und Erzdhlung in der Geschichte. – Мьнchen, 1979. S. 49 – 50; Мьллер U. Gibt es eine "spezielle" Methode in der Frauenforschung // Methoden in der Frauenforschung. – Frankfurt am Main, 1984. – S. 29 (29 – 51)
- ²⁹ Малышева М.М. Интерактивное интервьюирование и нетрадиционные способы интерпретации данных // Малышева М.М. Качественные методы... – С. 121.
- ³⁰ Belenky, M.F., Clinchy, B.M., Goldberger, N.R., Tarule, J.M. (eds.) Women's Ways of Knowing. The Development of Self Voice and Mind. – N.Y., 1986. – P. 98.
- ³¹ Moore H. Mensch und Frau sein. Perspektiven einer feministischen Anthropologie. – Gьtersloh, 1990. – S. 18; Quinn N. Anthropological Studies on Women's Status // Annual Review of Anthropology. – 1977. – V. 6. – P. 181 – 225.
- ³² Klinger K. Was ist und zu welchem Ende betreibt man feministische Philosophie? // Blattmann L., Kreis-Schink A., Liebig B., Schafrath K. (eds.) Feministische Perspektiven in der Wissen schaft. – Zьrich, 1993. – S. 17.
- ³³ Eichler M. Nonsexist research methods: A practical guide. – Boston, 1988. – P.22.
- ³⁴ Rosser S.V. Female-Friendly Science... – P. 38.
- ³⁵ Lichtenberger-Fenz B. Frauenforschung – Feministische Forschung – Gender Studies // Ingrisch D., Lichtenberger-Fenz B. (eds.) Hinter den Fassaden des Wissens. Frauen, Feminismus und Wissenschaft – eine aktuelle Debate. – Wien, 1999. S. 217 – 219; Reinharz S. Experimental analysis. A contribution for feminist research // Bowles G., Duelli-Klein R. (eds.) Theories of women's studies. – L., 1983. – P. 171 (P. 162 – 191).
- ³⁶ Создатели "приземленной теории" социальных исследований изложили ее в кн.: Glaser B.J., Strauss A.L. The Discovery of Grounded Theory : Stratagies for Qualitative Reserach". – Chicago, 1973.

- ³⁷ Abu-Lughod Lila. *Writing Women's Worlds: Bedouin Stories*. Berkeley, 1993; Lee Chin Kwan. *Gender and the South Sea Miracle: Two Worlds of Factory Women*. – Berkeley, 1998.
- ³⁸ Кръгер М. *Über die Notwendigkeit feministischer Selbstreflexion* // Кръгер М. (ed.) *Was hier eigentlich feministisch?* – Bremen, 1993. – S. 8; Dilorio J. *Feminist Field Work in a Masculinist Setting: Personal Problems and Methodological Issues* // Reinharz S., Davidman L. (eds.) *Feminist Methods in Social Research*. – N.Y.-Oxford, 1992. – P. 46.
- ³⁹ McDade L. *Interviewing of Theory and Practice: Finding the Threads for Feminist Ethnography*. – N.Y., 1995.
- ⁴⁰ Kleinman S. *Fieldworker's Feelings: What We Feel, Who We Are, How We Analyse* // Shaffir W., Stebbins R. (eds.) *Experiencing Fieldwork: An Inside View of Qualitative Research*. – Newbury Park, CA, 1994. – P. 184 – 195.
- ⁴¹ Это блестяще осуществила в своей книге феминист-антрополог Джудит Стэйси. См.: Stacey J. *Brave New Families*. – New York, 1989. См. об этом также: Шутова О. *Устная и гендерная история в свете антропологизации историографии* // Чикалова И.Р. *Женщины в истории: возможность быть увиденными*. – Минск, 2001.
- ⁴² Германская историография пользуется медицинским термином "ингаляция", подразумевая тот же инсайдинг, то же проникновение до самых "внутренности". См.: Cyrus H. *Historische Akkuratessse und soziologische Phantasie. Eine Metodologie feministischer Forschung*. – Кцнigstein, 1997. – S. 223.
- ⁴³ Keller E.F. *Feminism and science* // *Signs. Journal of Women in Culture and Society*. – 1982. – V. 7 (3). – P. 589 – 602; Smith D. E. *The Everyday Worlds as Problematic: A Feminist Sociology*. Boston, 1987; Griffith A.I., Smith D.E. *Constructing cultural knowledge: mothering as discourse* // Gaskell J., McLaren A. (eds.) *Women and Education: A Canadian Perspective*. – Calgary (Alberta), 1987. – P. 87 – 103
- ⁴⁴ Acker J., Barry K., Esseveid J. *Objectivity and thruth: Problems in doing feminist research* // *Women's Studies International Forum*. – 1983. – V. 6. – P. 423 – 435.
- ⁴⁵ Историки науки утверждают, что такой подход характеризовал своеобразие "женского научного участия" (точнее: со-участия!) на протяжении нескольких последних столетий. См.: Ogilvie M.B. *Women in science. Antiquity through the Nineteenth Century*. Cambridge, 1986. – P. 151; Harding S. *Rethinking standpoint epistemology: What is "strong objectivity"?* // Alcoff L., Potter E. (eds.) *Feminist Epistemologies*. – N.Y, 1993. – P. 49.
- ⁴⁶ Weber M. *Some cathegories of interpretative sociology* // *Sociological Quarterly*. – 1981. – V. 22. – P. 151 – 180; Т.Клименкова. *Значение методологии: три основных подхода* // Малышева М.М. *Качественные методы в гендерных исследованиях*. – М., 1997. – С. 7 – 29.
- ⁴⁷ Stack C. *All Our Kin: Strategies of Survival in a Black Community*. – N.Y., 1974.
- ⁴⁸ Mies M. *Methodische Postulate zur Frauenforschung: dargestellt am Beispiel der Gewalt gegen Frauen* // *Beitrdge zur feministischen Theorie und Praxis*. Hf. 1. – Мьнchen, 1978. – S. 160.
- ⁴⁹ Bell C., Roberts H. *Social Researching: politics, problems, practice*. – Los Angeles, 1984. – P 7 ; Cyrus H. *Historische Akkuratessse...* – S. 223.
- ⁵⁰ Nadig M. *Der ethnologische Weg zur Erkenntnis* // Knapp G., Wetterer F. (eds.) *Traditionen Вгьche*. – Freiburg i. Br., 1992. – S. 46.
- ⁵¹ Женщина-ученая с феминистскими взглядами должна либо скрывать их, беря интервью у репондентки-традиционалистки (что недопустимо с точки зрения установок феминистского исследования), либо быть готовой к тому, что ее негативное отношение к традиционному фемининному поведению может быть подвергнуто насмешкам или, что хуже, внутреннему неприятию, недоверительности. См.: Vally L. *Becoming Clerical Workers*. – Boston, 1986. – P. 233.
- ⁵² Kleinman S. *Op. cit.* – P. 190.
- ⁵³ Wajcman J. *Women in Control: Dilemmas of a Workers Cooperatives*. – N.Y., 1983.
- ⁵⁴ Hochschild A. *The Unexpected Community: Portrait of an Old-age Subculture*. – Berceley (CA), 1978. – P. 142.
- ⁵⁵ Gluck S.B., Pataj D. (eds.) *Women's Words: Feminist Practice of Oral History*. Routledge, 1991; Sangster J. *Telling Our Stories: Feminist Debates and the Use of Oral History* // Perks R., Thompson A. (eds.) *The Oral History*. – Routledge, 1998. – P. 88 – 89.
- ⁵⁶ Riesman C.K. *When gender is not enough: Women interviewing women* // *Gender and Society*. – 1987. – V. 1. – P. 206 (172 – 207).
- ⁵⁷ Задачу такого ракурса поставил еще один из основателей "понимающей социологии" Г.Зиммель. См.: Зиммель Г. *Женская культура* // Зиммель Г. *Избранное*. Т. 2. *Созерцание жизни*. – М., 1996. – С. 234 – 265.
- ⁵⁸ Bernard J. *The Sex Game*. – N.Y., 1972. – P. 175.
- ⁵⁹ Michler E.G. *The analysis of interview narratives* // Sarbin T.R. (ed.) *Narrative Psychology: The stories Nature of Human Conduct*. – N.Y.-Bloomington, 1986. – P. 233 – 255; DeVault, M.J. *Novel reading: the social*

organization of social interpretation // American Journal of Sociology. – 1990. – V. 95. – P. 887 – 921.

⁶⁰ Behar R. Translated Woman. – Boston, 1993.

⁶¹ Самая блистательная книга такого рода: Rich A. Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution. – N.Y., 1976.

⁶² Visweswaran K. Defining Feminist Ethnography... P.8; Cyrus H. Historische Akkuratessse... – S. 262.

⁶³ См.: Клименкова Т.А. Феминистские стратегии интервьюирования и анализа данных // Малышева М.М. Качественные методы.... – С. 128.

⁶⁴ Personal Narrative Group. Interpreting Women' Lives: Feminist Theory and Personal Narratives. – Bloomington, 1989.

⁶⁵ Баллаева Е. Нереактивное исследование и доступные данные // Малышева М. (ред.) Качественные методы в гендерных исследованиях. – М., 1997. – С. 49 – 56

⁶⁶ Впервые отмечено: Романов П.В. Этнография в гендерных исследованиях // Ярская-Смирнова Е.Р. (ред.) Социальное неравенство и образование: проблема, исследования, действия. – Саратов, 2001. – С. 262

⁶⁷ Cole S., Phillips L. (eds.) Ethnographic Feminisms. – Ottawa, 1995.

⁶⁸ Humm M. The Dictionary of Feminist Theory. – Harvester, 1989. – P. 65.

⁶⁹ Schjerve R.R. Frauen als Triebfaktor des Sprachenwechsels in der sprachlichen Minderhaesituation // Bachinger K., Bennewitz I. and others (eds.) Feministische Wissenschaft. Methoden und Perspektiven. Beiträge zur 2. Salzburger Frauenringvorlesung. – Stuttgart, 1990. – S. 205 – 219.

⁷⁰ Spender, D. Man Made Language. – N.Y., 1985. – P. 211.

⁷¹ Devault M.L. Talking and Listening from Women's Standpoint: Feminist Strategies for Interviewing and Analysis // Social Problems. – 1990. – Vol. 37. – № 1. – February. – P. 96 – 116; Abu-Lughod L. Can There Be a Feminist Ethnography? // Women and Performance: A Journal of Feminist Theory. – 1990. – № 5 (1). – P. 7 – 27; Reinhartz S. Experimental analysis. A contribution for feminist research // Bowles G., Duelli-Klein R. (eds.) Theories of women's studies. – L., 1983. – P. 171.

⁷² Hoffman L.W. Fear of success in males and females: 1965 – 1971 // Journal of Consulting and Clinical Psychology. – 1974. – V. 42. – P. 353 – 358.

⁷³ Rosser S.V. Female-Friendly Science... – P. 41; см. также: Bleier R. Feminist approaches to science. Elmsford (N.Y.), 1986.

⁷⁴ Gornick V. Women in science: portraits from a world in transition. – N.Y., 1983. – P. 153 – 154; Klein R.D. How to do what we want to do: thoughts about feminist methodology // Bowles G., Klein R.D. (eds.) Op. cit. – P. 341.

⁷⁵ Hall K., Bucholtz M.(eds.) Gender Articulated: Language and the Socially Constructed Self. – N.Y., 1995.

⁷⁶ Daly M. Gyn Ecology. Boston, 1981; Kramarae Ch., Treichler P. A feminist dictionary. – L., 1986.

⁷⁷ Thorne B, Henley N. Language and sex: Difference and Dominance. – Pittsburg, 1975.

⁷⁸ Gordon D.A. Worlds of Consequences: Feminist Ethnography as Social Action // Critique of Anthropology. – 1993. – V. 13 (4 December). – P. 429 – 443.

⁷⁹ Mies M. Towards a methodology for feminist research // Bowles G., Duelli-Klein R. (eds.) Op. cit. – P. 122 – 126.

⁸⁰ Cyrus H. Was heisst hier eigentlich feministisch? // Cyrus H. Historische Akkuratessse und soziologische Phantasie. Eine Metodologie feministischer Forschung. – Künigstein, 1997. – S.80 – 81; Kasper A. Consciousness re-evaluated: Interpretive theory and feminist scholarship // Sociological Inquiry. – 1986. – V. 56. – P. 30 – 49.

⁸¹ Lewis J. Woman Lost and Found: The Impact of Feminism on History // Spender D. (ed.) Men's Studies Modified: The Impact of Feminism on the Academic Disciplines. – N.Y., 1981. P. 55 – 72

⁸² Jensen G.F. Mainstreaming and the Sociology of Deviance // Aiken S.H. and others (eds.) Changing Our Minds. Feminist Transformations of Knowledge. – N.Y., 1988. – P. 90 – 91; Bernard J. The Female World. – N.Y., 1981.

В статье исследуется вклад феминистской антропологии в разработку методов и методологии современной этнологической науки.

Ключевые слова: феминистская антропология, гендерные исследования, женская повседневность.

The article investigates the contribution of feminist anthropology in working out methods and methodology of contemporary ethnology.

Key words: feminist anthropology, gender investigations, women daily occurrence.